

Заключение. Основной массив дохристианских имен, зафиксированных в ойконимии Витебщины, составляют антропонимы, этимологически восходящие к фаунистическим и флористическим названиям. Значительно меньше ойконимов, связанных с именами-характеристиками человека по внешним и внутренним признакам. Другие группы дохристианских имен либо представлены единичными примерами, либо отсутствуют вовсе.

Список литературы

1. Назвы населеных пунктаў Рэспублікі Беларусь: Віцебская вобласць: нарматыўны даведнік / У. М. Генкін, І. Л. Капылоў, В. П. Лемцюгова. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 668 с.
2. Рапановіч, Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Віцебскай вобласці / Я.Н. Рапановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1977. – 504 с.
3. Сулова, А.В. О русских именах / А.В. Сулова, А.В. Суперанская. О русских именах. – Ленинград: Наука, 1978.

ПОВЕСТИ М. БУЛГАКОВА «РОКОВЫЕ ЯЙЦА», «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ» И В. ГИГЕВИЧА «КОРАБЛЬ», «ПАБАКИ»: К ВОПРОСУ О ЖАНРОВЫХ МОДИФИКАЦИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ ФАНТАСТИКИ

*Н.В. Голубович
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Сопоставление произведений М. Булгакова «Роковые яйца», «Собачье сердце» [1] и повестей В. Гигевича «Корабль» и «Пабаки» [3;4] актуализирует важную проблему социальной фантастики, связанную с функционированием в ее рамках различных жанровых форм.

Маркирующей чертой социальной фантастики, выделяющей ее среди других ветвей фантастической литературы, является совмещение в каждом отдельном произведении императивного социального и амбивалентного художественного планов. Социально-философское содержание при этом выражается, как правило, опосредованно, через иносказание. Однако сами связи между образом и значением устанавливаются различно: с акцентом либо на изображаемом, либо на подразумеваемом. Тем самым в подобных произведениях обнаруживается существование различных по форме идейных обоснований.

Е.Д. Тамарченко называет их мотивировками «извне» и «изнутри». Мотивировка «извне» – это мотивировка со стороны изображаемой действительности, со стороны материального или духовного мира героев с их естественными или нравственными законами, со стороны ситуации, отношений между персонажами, характеров и т. д. Мотивировку «изнутри» продуцирует иносказание. По мнению Е.Д. Тамарченко, в социальной фантастике такие мотивировки равноправны [7, 103]. Соглашаясь в целом с наблюдениями исследователя, последний тезис все же хотим уточнить: нам представляется, что соотношение мотивировок «извне» и «изнутри» в социальной фантастике зависит от жанровой модификации произведений. Преобладание же той или иной мотивировки обуславливает художественные особенности картины фантастической действительности, созданной автором.

Методы исследования: культурно-исторический, сравнительно-типологический.

Результаты и их обсуждение. Использование мотивировок «извне» и «изнутри» в качестве инструмента исследования помогает прояснить вопрос жанро-

вой дефиниции названных произведений. В связи с этим следует указать на неоднократное использование литературоведами при жанровой идентификации отмеченных повестей М. Булгакова и В. Гигевича определений «антиутопические», «антиутопии» (о булгаковских произведениях – И.Галинская [2], О.Николенко [5], М.Шнеерсон [9]; о повестях В.Гигевича – белорусские исследователи Е.Свечникова [6], Г.Тычко [8] и др.).

Действительно, формально-содержательные признаки жанра антиутопии присущи всем этим текстам. Однако в какой степени эти черты соответствуют жанровому стандарту?

Даже первичное знакомство с повестями обнаруживает их жанровую неоднородность. Если повести В. Гигевича в основном согласуются с канонами антиутопии (заметим, однако, что вопрос их жанровой принадлежности требует более тщательного изучения с учетом появления таких разновидностей антиутопии, как дистопия, какотопия, постантиутопия), то в случае с булгаковскими повестями «Роковые яйца» и «Собачье сердце» определение «антиутопия» вряд ли применимо. Правильнее, как нам кажется, говорить о наличии отдельных элементов антиутопии, встроенных в структуру этих сатирических повестей. М.Булгаков не моделирует какую бы то ни было социальную схему, но тестирует современные социальные утопии на соответствие нравственному эталону, разоблачает посредством гротеска и фантастики идеалы новой эпохи, подвергая осмеянию невежество, дилетантизм, самоуверенность, бескультурье «созидателей» новой жизни.

М.Булгаков в вопросе о соотношении в художественном образе жизненного содержания и иносказательного смысла ставит на первый план непосредственную правду образа, пусть даже фантастического, а в истолковании его предоставляет читателю свободу. Опора на жизненный материал, сатирическое изображение алогичной действительности и гротескное обыгрывание ее парадоксов, привязка к конкретным, легко угадываемым событиям современной писателю жизни, яркая характерность главных героев, многоплановость смыслового прочтения произведений не укладываются в достаточно жесткую жанровую модель антиутопии. В повестях отсутствует главный жанрообразующий признак антиутопии – *тема социальных отношений как специальная художественная задача произведения, его эстетическая самоцель.*

В произведениях белорусского писателя велик удельный вес мотивировок «изнутри», что согласуется с художественным кодом антиутопии как прогностического жанра. В.Гигевич именно конструирует реальность, исходя из априорных оценочно-императивных суждений. Художественный образ здесь – это олицетворенная идея. Специфическая поэтика повестей исключает описательность: вещи, окружающая обстановка обозначены контуром, упоминаются лишь попутно, по мере необходимости. Предметы внешнего мира, в том числе и природа, становятся декорацией происходящего, служат акцентированию идеи. Действующие лица (Ёх, Альмина, родители, Наставники в «Корабле», академик Зоркин, кандидат наук Зоськин, Тамара Ивановна – виновница происшествия, учительница биологии, машинист метрополитена, наконец, пациент городской психиатрической больницы в «Пабаках») не имеют не только портретных черт, но и более или менее индивидуализированных характеров: герои выступают не как объекты художественного наблюдения, а как субъекты этического выбора.

Повесть «Пабаки» представляет для исследователя интерес и как закономерный этап литературной эволюции антиутопии, обусловленный постмодернистским дискурсом. Свидетельством тому служит композиционная фрагментарность, жанрово-стилистическая разнородность текста, составленного из дневни-

ковых записей, служебных записок, идеологических лозунгов и призывов, выписок из постановлений, газетных публикаций, отрывка докторской диссертации. Желание автора самоустраниться реализуется, однако, не полной мере из-за присутствия в тексте иронии, «зашифрованной» в дневниках сумасшедшего «летописца» – пациента психиатрической больницы. В тексте нет главных героев. Персонажи повести являются лишь носителями определенных идей, суммарно представляющих «массовое сознание» общества потребителей.

Заключение. Типологическое сопоставление повестей М.Булгакова и В.Гигевича позволяет обнаружить как общие структурно-семантические черты, так и различия. Характерными признаками всех исследуемых текстов являются сходная социальная проблематика, интеграция сатирического и фантастического типов условности, наличие общих смысловых и образных аллюзий, ассоциативных пересечений, стилистическая гетерогенность, реминисцентная насыщенность. Отличия касаются жанровой специфики повестей. Фантастическое в произведениях белорусского автора подчинено общим установкам, задаваемым жанром антиутопии. Анализ же булгаковских текстов говорит о наличии лишь отдельных элементов антиутопии, встроенных в структуру сатирических повестей.

Список литературы

1. Булгаков, М. А. Собрание сочинений. В 5 т. / М.А. Булгаков; Редкол.: Г. Гоц, А. Караганов, В. Лакшин и др.; Подгот. текста и коммент. В. Гудковой и Л. Фиалковой. – М.: Худож. лит., 1992. – Т. 2: Дьяволиада; Роковые яйца; Собачье сердце; Рассказы; Фельетоны. – 751 с.
2. Галинская, И.Л. Наследие Михаила Булгакова в современных толкованиях / И.Л. Галинская. – М., ИНИОН РАН, 2003. – 132 с.
3. Гігевіч, В. Карабель: Аповесці, раман / В. Гігевіч. – Мн.: Маст. лит., 1989. – 462 с.
4. Гігевіч, В. Марсіянскае падарожжа / В. Гігевіч. – Мн.: Маст. лит., 1997. – 375 с.
5. Николенко, О.Н. От утопии к антиутопии: О творчестве А. Платонова и М. Булгакова / О.Н. Николенко. – Полтава, 1994. – 210 с.
6. Свечнікава, А. Вяртанне да чалавека: Антыутопія “Карабель” Васіля Гігевіча // Роднае слова. – №3. – 2005. – С. 22-24.;
7. Тамарченко, Е.Д. Мир без дистанций: (О художественном своеобразии современной фантастики) // Вопросы литературы. – 1968. – № 11. – с. 96–115.
8. Тычко, Г. Ліха павінна быць пераможна ў нас саміх: Аповесць “Пабакі” Васіля Гігевіча // Роднае слова. – №1 – 2007. – С. 12-13.
9. Шнеерсон, М. «Лучший слой в нашей стране». Заметки о Булгакове // Новый журн. – New rev. – Нью-Йорк, 1993. – Кн. 192–193. – С. 274–298.

«БАНАЛЬНАЯ ЦИТАЦИЯ» В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ БЕЛАРУСИ

*Е.Н. Горегляд
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

В речевой практике мы постоянно сталкиваемся с ситуациями, предполагающими банальные, стереотипные формы речевого поведения. Речевые стереотипы в разном количестве представлены в любом коммуникативном акте.

Цитаты играют важную роль в языке современной публицистики. В зависимости от вида цитаты, места, которое она занимает в тексте, ее типа и способа